ФАНТАСТИЧЕСКАЯ

В 1950 году в приемную комиссию Ленинградского университета пришел очень высокий худой солдат. Солдат хотел стать историком, археологом. Солдат мечтал о городах, занесенных песками Каракумов, о ровных такырах, где после весенних дождей темнеют полусъеденные окисью древние монеты и черепки с нехитрым орнаментом. «Вот что, Шавкунов,— сказали солдату в приемной комиссии.— Взять мы вас возьмем. Биография хорошая, экзамены сдали и так далее. Но по Средней Азии мест нет. Займитесь-ка Дальним Востоком. Кстати, повышенная стипендия и общежитие. Вы же сами из Белоруссии? Родственников здесь нет?»

Мечты рушились. Засыпанные песками города оставались без спасителя. Монетам суждено было лежать на такырах. Но Дальний Восток все-таки лучше, чем ничего. Если ты семи лет отроду решил стать историком, то терять лишний год нельзя.

После третьего курса была практика. Студенты могли выбирать — работа в архивах или археологическая экспедиция. Эрик Шавкунов выбрал экспедицию. Экспедицией на Дальний Восток руководил Окладников, крупнейший авторитет в археологии тех мест. Экспедиция ехала на разведку.

На практике после третьего курса Шавкунов впервые увидел Приморье, во многом неведомое археологам, скопище загадок и белых пятен. Окладников, патриот и знаток Дальнего Востока, вел экспедицию от городища к городищу, от стоянки к стоянке... Так прошла практика. Шавкунов познакомился с затяжными летними дождями, комарами и мошкой, энцефалитными клещами и тяжелой жарой. И он уже знал, что вернется сюда на следующее лето. И через лето. И приедет сюда после университета. И останется здесь.

* * *

Почему-то долгое время было принято считать, что городища в Приморье, остатки осыпавшихся крепостных стен, груды битой черепицы, обломки горшков и статуэток относятся к Бохайскому царству, к предшественникам чжурчжэней — народа, обитавшего в средние века в Маньчжурии и Приморье. О Бохайском царстве Шавкунов, уже работая во Владивостоке, писал кандидатскую диссертацию. Но чем больше накапливалось опыта, раскопок, экспедиций, тем меньшим становился процент бохайских поселений среди обследованных археологами. Уже при первой разведке становилось очевидным, что керамика, редкие монеты, наконечники стрел — чжурчжэньские. Практически каждое городище обнаруживало следы пожарища, отчеркивавшие его культурный слой, прерывавшие линию жизни города или монастыря. Пожар бушевал в XIII веке. Тогда же, когда горела Рязань и Козельск. И чаще всего люди не возвращались на пепелище, потому что возвращаться было некому.

В 1960 году Шавкунов начал раскопки на Николаевском городище, на берегу реки Сучан. Городище было известно уже сто лет, с тех пор как о нем сообщил путешественник Палладий Кафаров. Много раз до него добирались исследователи, писал о нем и Арсеньев. Но раскопок до Шавкунова никто здесь не вел.

Плоская широкая площадка с трех сторон была ограничена земляным валом со рвом. Вал в основании достигал толщины 25 метров, а в высоту он даже сегодня поднимается метров на десять. С четвертой стороны крепости — обрыв. Столь солидное фортификационное сооружение должно было защищать большие ценности. Но что это — город? Дворец?

Раскопки продолжались три сезона. Археологами был изучен, внимательно и скрупулезно, каждый из семи тысяч квадратных метров городища. Но нигде, за исключением прямоугольника в центре, почти ничего не удалось обнаружить. А прямоугольник оказался буддийским монастырем. Там экспедиция нашла головы драконов с разинутыми угрожающе пастями, нахохлившуюся птицу-феникса и статуэтку крылатого божества. И множество осколков черепицы, керамики и кирпичей.

Стало ясно, что это долинное поселение было большим монастырским хозяйством. Само здание — прямоугольник в центре — окружено хижинами монастырских рабов и служек. Оказалось возможным точно установить, когда был построен и когда был оставлен монастырь. Он просуществовал недолго: черепица и украшения монастырского здания относились к концу XII — началу XIII века, оно было разрушено, сгорело в середине XIII века. Не осталось ни одной целой черепицы, ни одного целого горшка или светильника. И наконечник стрелы, застрявший в кладке фундамента парадной арки монастыря, был красноречивым свидетелем трагического дня.

* * *

Потушив в палатке свет, чтобы не налетали безжалостные комары, под тоскливый перестук дождевых капель по брезенту, археологи спорили о том, что должно стать следующим шагом в исследовании Приморья. Да, Николаевское городище подтверждает рассказы летописей о полном уничтожении чжурчжэньского государства монголами. Но оно, хоть раскопки еще и не закончены, большего уже не даст. Еще будут говорить о драконах и скульптурах искусствоведы, отыскивать аналогии с корейскими или тувинскими находками, но главного — ответа на вопрос, как жили предки народов нашего Приморья, нет. Николаевское городище оставалось в русле находок, уже сделанных археологами в этих краях раньше. Дворцы и монастыри — черепица и драконы.

Казалось бы, что может быть объективнее молчаливых находок? Ведь семьсот лет ждут они своего часа и потом правдиво рассказывают о том, что было.

И вот в ходе раскопок на Николаевском городище Шавкунов и его товарищи пришли к окончательному решению — находки врут.

ШАЙГА

ИГОРЬ МОЖЕЙКО
Кандидат исторических наук

Когда государство чжурчжэней захватило в свою орбиту множество соседних земель, нанесло поражение киданям и китайцам, заставило отступить корейцев, властители его в течение одного-двух поколений переняли религию покоренных народов, в городах которых они учреждали свои столицы и занимали дворцы. Буддизм куда более импонировал чжурчжэньским владыкам, нежели шаманство — прежняя религия. Буддийским монастырям дарились земли, рабы и выделялись лучшие участки в долинах. Вот эти монастыри, возникшие в расцвете чжурчжэньского периода и погибшие с ним, оставили по себе очевидные следы, бросающиеся в глаза археологам и как бы призывающие своей очевидностью: «Раскопайте нас, мы — основное, что осталось от Золотой империи, государства чжурчжэней». Вот против этой очевидности и возражал Шавкунов. Она приводила в тупик. Она дарила немногочисленные, яркие находки, клады, не имеющие в конце концов ничего или почти ничего общего с настоящими чжурчжэнями, такими же неизвестными, как и пятьдесят лет назад.

Но где же они? Оставалась гипотеза о том, что районы Приморья были глухой окраиной царства, где обитали лишь охотники и рыболовы, не оставившие ничего после себя, да и не могшие оставить. В это тоже верить не хотелось. Пора было менять направление поисков.

И вот в заключение статьи, посвященной результатам работы на Николаевском городище, Шавкунов писал, как бы предсказывая пути своей работы на много лет вперед: «...Известные в настоящее время чжурчжэньские городища на территории Приморья можно подразделить на несколько типов, из которых наиболее многочисленны два: большие долинные и большие горные... Долинные большие городища — это главным образом укрепленные центры монастырских вотчин... Что же касается больших горных городищ, то они в основном представляли собой различного рода центры торгово-ремесленной и политико-административной жизни чжурчжэней».

Одно из таких городищ, Краснояровское, копали Окладников и Воробьев. Там они обследовали административные здания и жилища знати. Но результаты их работы еще не давали окончательного ответа на вопрос, кем же были чжурчжэни. В конце концов оппонент мог сказать, что чиновники и знать, также много перенявшие от иноземцев, были единственным пятном цивилизации среди диких лесных племен.

Шавкунов принимает решение. В разгар раскопок на Николаевском городище он отправляется в Шайгу. Искать настоящих чжурчжэней в городище горного типа.

* * *

Город лежал на сопках, спускаясь террасами к чистому ручью. Когда-то геодезист Иванов обнаружил следы его под корнями разросшихся за столетия деревьев. Сообщил о нем кратко и ушел дальше.

Скот протоптал тропинку по склонам сопок. Узкая тропинка вилась между корней, и ветки по обеим сторонам ее были обглоданы. День был душный, собиралася дождь, комары вились над головой, высматривая, куда бы ужалить. Если отмахнешься — прятались в тени. В одном месте на тропинке валялись темные камешки — это был шлак. Черепок выглянул из-под корня. Черепок был серый, с изогнутым в виде трубки венчиком. Посуду с таким венчиком изготовляли чжурчжэни в XII веке. Еще выше, на оползшей террасе, в кустах, нашли обломок черепицы и бусину, вымытую из почвы дождем. Не так много для начала, но достаточно, чтобы приступить к работе.

Во Владивостоке, в лаборатории, установили, что в шлаке содержится железо. Эта находка оказалась не случайной — в следующий сезон, когда заложили первые траншеи, шлака в них набралось немало. Там же нашли спекшуюся глину, куски оплавленного железа. А в 1964 году, вскрыв площадку, обнаружили на ней остатки плавильной печи.

Затем был сезон 1965 года, 1966, 1967, 1968 и 1969-го. И каждый был связан с Шайгинским городищем, открывавшим новые и новые тайны, отблагодарившим археологов находками, не имевшими сравнения ни с какими другими в этих краях. Высокий солдат, пришедший в университет спасать из небытия среднеазиатские города, засыпанные пустыней, и изменивший им ради сопок Приморья, не ошибся. Он нашел свой город — город, о котором мечтает каждый археолог, нашел цивилизацию, до сих пор еще недооцененную, порой трактуемую предвзято и несправедливо обойденную вниманием.

Уже следующий год принес странную новость: мастерская, которую начали копать в прошлом сезоне, оказалась больше, чем ожидали. На соседних с плавильной печью площадках не было остатков жилья — все тот же слой темного суглинка со шлаком, железными изделиями и обломками оранжевого кирпича. Коллекция железных вещей, найденных в мастерской, росла — ассортимент ее оказался весьма широк. Начали встречаться и инструменты — клещи, напильники, сложные замки с ключами, напоминающими коромысло.

Прошел еще год, еще... Сегодня никто уже не говорит о мастерской. Для предприятия, найденного в Шайге, не подберешь нужного слова, потому что самое близкое по смыслу в отношении к XII веку не употребляется. И все-таки оно верно — археологи нашли в Шайге немалый даже по сегодняшним масштабам металлургический завод.

На большой выровненной площадке неподалеку от ключа находилось двадцать плавильных печей, каждая более двух метров длиной. В них из руды выплавляли чугун. Кроме того, на заводе был и другой цех. Там под навесами располагались горны, где чугун превращался в ковкое железо. Далее шли кузницы, склады... На таком заводе должно было работать несколько сот человек.

Вот тебе и глухая окраина царства!

* * *

Достаточно было бы одного металлургического завода, чтобы прославить Шайгу. Но она была

большим городом, и жители ее занимались не только металлургией. Тем более, что рудников там найдено не было и геологи уверяли, что их и быть не могло. Значит, и возникла она как обычное поселение, а металлургическим центром стала потом, по неизвестным пока причинам.

И, если завод — самое яркое в находках на городище, то в том, что он — самое главное, уверен скорее Виталий Леньков, выросший в опытного археолога на этих раскопках. Шавкунов же куда более гордится раскопанными домиками жителей города. Все они, как завод, как дома чиновников на вершине сопки, были разрушены и сожжены монголами, но поколения металлургов, солдат, кузнецов, торговцев оставили по себе настолько многочисленные и очевидные следы, что теперь можно с уверенностью говорить о быте чжурчжэней, их работе, занятиях, во что они верили, как развлекались.

Это были удивительные люди, и летописи ничего не сообщили нам о них, ибо простые чжурчжэни не участвовали в государственных заговорах, а уходя в походы, не возглавляли армии и флот.

Оказалось, что жители Шайги были искусниками и мастерами на все руки. Вряд ли можно найти какой-нибудь другой город древности, где буквально в каждом доме встретишь не только орудия для охоты и рыболовства, но и небольшую плавильную печь или горн, набор ювелирных инструментов, инструментов для обработки камня и оружия. И неважно, жил ли в доме солдат местного гарнизона, рабочий с металлургического завода или кузнец, — каждый умел делать все. Лишь некоторые инструменты, бронзовые зеркала, покрытые серебряной амальгамой, ткани, посуду, панцири горожане покупали на заводе или у торговцев.

Найдены были на городище и чжурчжэньские монеты. Монетную систему в Золотой империи ввели после того, как чжурчжэни захватили земли киданей и Китай. Более того, известно, что чжурчжэни не только чеканили монеты, по качеству и чистоте бронзы лучшие в средневековье, но и ввели в обращение бумажные деньги. Бумажных денег в Шайге, правда, обнаружить пока не удалось, зато монеты, насчитывавшиеся до того в археологических сборах единицами, встречались десятками.

Сейчас раскрыта лишь часть города, но уже можно представить себе в общих чертах, как жили обитатели Шайги.

Над городом возвышались дома чиновников. Они стояли у самой вершины сопки, видные издалека, крытые черепицей, которая поблескивала под дождем, но быстро высыхала и серела, когда дул ветер. Он разгонял летнюю жару и дым, поднимавшийся от печей.

Шаман жил чуть ниже. Здесь, в традиционном чжурчжэньском городе, где не часто бывала новая знать, не было буддийского монастыря. Господствовала вера предков, языческая религия, которая дошла до наших дней в виде шаманства. На дворе перед домом шамана стоял каменный алтарь, к нему в праздники стекались горожане. Далее, разбросанные по террасам, спускаясь к ключу, уходя к близкому лесу, раскинулись улицы Шайги. Разделение труда было довольно четким: кварталы солдат, ремесленников, торговцев, — многое еще предстояло открыть и узнать археологам. Но и солдат и металлург уходили к синим сопкам за Сучаном охотиться на зверей или спускались в долбленых ботах по реке и ставили сети.

Шавкунов достает из сейфа деревянные аккуратные коробки из-под кубинских сигар. Дно коробок устлано ватой. Здесь лежат, ожидая дня, когда займут место в витринах музея, наиболее ценные из находок. Другие, не столь редкие, заполонили шкафы в кабинете. И неизвестно еще, что более впечатляет гостя — изящные ножницы, напильники, ключи, заслонки от горнов, похожие на черепах с усами, многочисленные и разнообразные наконечники стрел, пластинки от панцирей или «сокровища малых форм», таящиеся в сигарных коробках.

Здесь, в небольших комнатах, собрано пока почти все, что осталось от многотысячного города, исчезнувшего трагически, но не бесследно. Семь лет работы нескольких увлеченных людей вернули город к жизни, на общую, еще не полную, грандиозную карту истории человечества. И именно обыденность повседневных вещей поражает больше, чем драконьи головы с храмовых крыш. То — экзотика. Красиво и не совсем реально. Тут — ясно видишь человеческие руки, державшие эти клещи и ножницы.

Вот бронзовое зеркало. Их несколько в сигарной коробке. На каждом сложный цветочный узор и ушко, чтобы привязать к поясу. Если повернуть зеркало под определенным углом к свету, увидишь среди цветов четырех танцующих юношей в шароварах, невысоких сапожках, с четырехугольными вырезами на рубахах. Это чжурчжэни, исконные жители здешних мест. Кстати, этнографы узнали в одежде черты, роднящие ее с нарядом нанайцев.

Монеты. Как новенькие, покрытые лишь ровной серой патиной. Пряжки и бляхи с одежды украшены орнаментом, сохранившимся в Приморье по сей день. Орнамент консервативен, и по нему порой легче проследить историю народа, чем по керамике или другим материальным источникам. В орнаменте некоторых из чжурчжэньских вещей есть, помимо местного, и явное тюркское влияние. Сохранились сведения, что еще до создания Золотой империи к мохэсцам, предшественникам чжурчжэней, пришли отступавшие под давлением соседей с запада аланы. Они вскоре смешались с мохэсцами, но следы их остались и в тюркском пласте чжурчжэньского языка, и в орнаменте, и даже во внешности современных нанайцев и удэгейцев. Среди них встречаются блондины со светлыми глазами. Таким был, например, верный спутник Арсеньева Дерсу Узала.

Или вот совсем загадочные на вид маленькие фигурки. Два тюленёнка, прижавшиеся друг к другу и глядящие в разные стороны, хрустальный зайчонок, полевая мышь из черного камня, две рыбы... В фигурках просверлены отверстия. Лишь в этом году удалось окончательно понять, что это нэцкэ, самые первые в мире нэцкэ — своеобразные брелоки, известные в Японии начиная с XV века и являющиеся объектом собирательства и тщательного изучения как один из видов типично японского искусства. А в Шайге нэцкэ бытовали в XII веке, были обычны, изготовляли их, видно, почти в каждом доме для себя...

* * *

— Прошлой осенью,—говорит Шавкунов, укладывая в шкаф громадные чжурчжэньские ножницы для резки железа,— мы наконец нашли время для того, чтобы выяснить, откуда поступало в Шайгу железо. Ориентиром

для нас стала двухсоткилометровая забытая дорога, следы которой и сейчас видны в тайге. Проследив дорогу, мы поняли, что она ведет к Ольгинскому городищу. И там нашли рудники. А также остатки металлургического комплекса...

— Значит, Шайга не одинока?

— Ни в коем случае. Возможно, мы найдем со временем города, с которыми наша Шайга не сможет идти ни в какое сравнение.

— Значит, работы на много лет?

— На всю жизнь. И не только мне — всем, кто работает здесь, да и тем, кто придет вслед за нами. Мы, хоть и ведем разведку других городищ, уходить с Шайги не собираемся. Мы лишь начали ее исследовать.

— И что вы собираетесь там найти?

— Вопрос, достойный моего сына. «Папа, а что ты еще найдешь на раскопках?» Если бы мы могли знать, что нас ждет, задача была бы в десять раз проще.

— Ну, а если сформулировать вопрос по-другому: что вам хочется отыскать?

— На это ответить можно. Побольше образцов письменности. В распоряжении ученых есть лишь несколько надписей чжурчжэней, в том числе и те, которые мы только что разглядывали, — надписи на зеркалах и других изделиях Шайги. Но этого мало. Надписей мы пока не читаем. А пора бы уже. Так вот мы хотели бы найти чжурчжэньские документы...

* * *

Лето. Восьмой год подряд владивостокские археологи разбивают палатки на берегу ключа Батарейного, у лесистых сопок Шайги. И вечером, когда темнота не позволяет работать, они собираются в палатке, выключив свет, чтоб не привлекать отчаянных комаров, слушают, как надоедливо стучит по брезенту дождь, и спорят. Ведь столько еще загадок в Шайге. И каждый день приносит новые.

Продолжается напряженный труд советских историков, раскрывающих важные страницы прошлого коренных народов нашего Дальнего Востока — людей, умевших не только творить и созидать, но и побеждать чужеземных захватчиков, не раз угрожавших с юга.

В ТУНИСЕ

Н. ЛУЦКАЯ

Кандидат исторических наук

ТУНИС — это прежде всего обилие иностранных туристов. На городских улицах, в магазинах, на рынках — всюду их разноязыкие группы. По побережью Средиземного моря за последние годы выросло много красивых, благоустроенных, многоэтажных отелей с плавательными бассейнами (зимой вода в них подогревается), обширными террасами, сбегающими к самой кромке прибоя, с площадками для игр и — при каждом — с неким подобием восточного базара из нескольких лавочек, где продают сувениры и изделия местного ремесла. Как правило, при гостиницах имеются и ночные клубы.

Туризм — немаловажная статья дохода для Тунисской Республики. Вместе с тем он дает возможность занять значительную часть молодежи в сфере обслуживания.

Проблема занятости! Как и во многих развивающихся странах, в Тунисе она очень актуальна. Ежегодно надо трудоустроить новую армию молодых людей, к тому же не имеющих зачастую никакой специальности. Тунисское правительство изыскивает различные способы, чтобы обеспечить их работой. С этой целью, в частности, создан был Тунисский центр ремесла Ден-Ден.

Изделия тунисских кустарей, как и умельцев из других стран Магриба, давно снискали себе славу. Однако, поскольку в наши дни фабричная продукция вытесняет более дорогую кустарную,

Студенты на занятиях в Национальном университете Туниса.

Фото ТАСС